

GREAT POWERS – STRATAGEMS AND IDEOLOGY

СИМВОЛИКА РОССИИ 90-х гг. XX в. – НАЧАЛА XXI в. В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ И ОБЩЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Н.А. СОБОЛЕВА*

This paper examines the problem of the return of the former Russian State's symbols in contemporary society. The author explains the historical and political reasons behind the recreation of the State sovereignty symbols in the Russian Federation; these symbols were changed twice within one century reflecting the transformations in the political realities of the country. The article analyzes the reaction of the socially and ideologically homogeneous Soviet society at the end of the 20th – the beginning of the 21st century to the introduction of the “tsarist” double-headed eagle and the tricolor, and concludes that the citizens of Socialist Russia hardly knew the history of those symbols. Furthermore, the author brings documentary proofs of the role played by the Russian leaders B. Yeltsin and V. Putin in the creation of the symbols of the democratic Russian State.

Keywords: state symbols; Russia; Boris Yeltsin; Vladimir Putin

Смена политических реалий, дважды в течение XX века потрясшая наше Отечество, выражалась и в символических «жестах»: изменялись основные государственные знаки – герб, флаг, гимн. Но если в 1917 г. после падения царизма существовал своеобразный буфер – Временное правительство, которое «растянуло» замену российской имперской символики на абсолютно новую более чем на год, что сделало смену государственных эмблем для жителей России не такой резкой, то кажущийся внезапным возврат знаков государственности царской России (герба и флага) в начале 90-х гг. XX в. в социально и идеологически однородное советское общество был, мягко говоря, «не сразу понят» этим обществом. Герб, флаг и гимн новой России несмотря на то, что в декабре 2000 г. они утверждены законодательным путем, все еще неоднозначно оцениваются в нашей стране, являясь предметом дискуссий, а иногда и более серьезных противостояний.

Одной из причин подобного неадекватного отношения к символам суверенитета сегодняшней России является недостаточное знакомство граждан с их историей. До недавнего времени в историографии существовали лишь

---

* Институт Российской Истории РАН; afm35@mail.ru.

самые общие сведения о государственной символике нашего Отечества, начиная с зарождения российской государственности. Этот феномен, может быть, объясняется прерывистым характером русской истории, не дающим возможности нарисовать реальную картину эволюции и использования носителями власти атрибутов этой власти, проанализировать их символику, определить степень традиционности, исконности, заимствований. Письменные источники отчасти по этой причине скупо освещают историю отечественной властной атрибутики. Недостаток достоверных данных, с одной стороны, обусловил отсутствие каких-либо серьезных сведений о возникновении государственных эмблем в трудах крупных российских историков (С.М. Соловьева, В.О. Ключевского), с другой – способствовал рождению различных мифов, субъективных трактовок непроверенных источниковедческих фактов. К последним относится, например, осторожное высказывание русского историка В.Н. Татищева двухсотпятидесятилетней давности о заимствовании великим князем московским Иваном III Васильевичем государственного герба у Византии в результате его женитьбы на Зое (Софье) Палеолог, племяннице последнего византийского императора Константина XII Палеолога Драгаша в 1472 г. В XIX в. существовала также версия, что Софья Палеолог привезла в Россию и другой символ – Драконоборца. Прошло 200–250 лет со времени появления подобных версий; исследователями последующих поколений, казалось бы, опровергнуты многие суждения, высказанные на заре становления исторической науки, причем к мнениям российских историков присоединились и зарубежные исследователи, однако, «традиции» оказались хоть и неисторичными, но живучими.

Непрофессиональные суждения высказываются в литературе также о советских государственных эмблемах, насчет происхождения которых в настоящее время существует много экзотических версий. Одна из наиболее «заманчивых» – масонский след, отраженный в эмблемах герба и флага СССР. О том, что этот факт не подтверждается ни исторически, ни источниковедчески, можно прочесть в немногочисленных, правда, трудах профессиональных историков¹.

В настоящее время, а точнее – в последнее двадцатилетие, в отечественной исторической науке происходят значительные изменения как в

---

¹ Корнаков П.К. Символика и ритуалы революции 1917 г. // *Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть*. СПб., 1994; Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб., 2001; Похлебкин В.В. Из истории советской эмблематики // *Вопросы истории*, 1978, № 3; Соболева Н.А. Из истории советской политической символики // *Отечественная история*, 2006, № 2. Данная работа переведена на английский язык и опубликована в журнале *Russian Studies in History*. Fall 2008/Vol. 47. № 2.

плане новаций относительно тематики исследований, так и в плане многофакторности методов осмысления явлений и процессов, многие из которых ранее не представляли общественного и научного интереса². В конкретном случае речь идет о символах власти в России на разных хронологических этапах ее истории. Как пишет современный исследователь средневековой символики М.А. Бойцов, «давно уже пора отказаться от априорной убежденности в том, что символическая сторона власти второстепенна, дополнительна, малозначима по сравнению с иными более «солидными», а потому и более заслуживающими внимания историков ее основаниями, например, институциональными». И далее: «Получая представление о символических системах, в которых власть предьявляет, а значит, и реализует себя в том или ином обществе, мы постигаем и самые существенные характеристики этой власти, и механизм ее функционирования. Процесс возникновения символических систем идентичен процессу становления власти и, разбираясь в первом, мы лучше понимаем второе»³.

Данный подход к изучению символики государства соотносится с «main stream» новомодного направления европейской историографии – потестарной имагологии, ориентированной на изучение образов власти, способов и форм ее репрезентации во внешнем мире. Причем, если еще тридцать лет тому назад изучение знаков власти происходило в рамках вспомогательных исторических дисциплин – геральдики, сфрагистики, вексиллологии и т.д. с соответствующими историческими выводами и заключениями, то в современных исследованиях наблюдается интегрированность проблем символики прежде всего, конечно, государственной, а теперь и партийной⁴, в иные области научного знания – в политологию, философию, социолингвистику, психологию.

Под новым углом зрения знаки власти (а это прежде всего визуальные знаки – гербы, флаги, знамена, ордена, печати) рассматриваются в комплексе с другими символическими знаковыми системами (вербальными, поведенческими, обрядовыми и т.д.) под «шапкой» политической символики, где существенную роль играют национально-государственные символы. Они – «составная часть процесса формирования и воспроизводства политической общности любого народа и государства. С одной стороны, национально-государственная символика определяет лицо народа, подчеркивает его самобытность, сплачивает во времена тяжких общественных потрясений, с

² Сахаров А.Н. О новых подходах к истории России // Вопросы истории, 2002. № 8.

³ Бойцов М.А. В шкурах или в пурпуре? К облику варварских королей времен «падения» Римской империи // Искусство власти. СПб, 2007. С. 46–47.

⁴ Зазыкина Е.В. Психологическая характеристика символики ведущих российских политических партий. М., 2002.

другой, используется правящей элитой для идентификации проводимого политического курса с общими национально-государственными интересами. Это позволяет власть имущим объединить граждан вокруг своей политики, мобилизовать их внимание, стимулировать действия, необходимые для достижения поставленных целей»⁵.

Некоторые западные политологи применяют по отношению к образным (визуальным) политическим символам такие дефиниции, которые определяют их исключительно как категорию власти: «Политические символы это те, которые имеют значение для функционирования власти»⁶. С последним определением можно согласиться, если учитывать адекватность восприятия, например, государственных символов властью и обществом, что обуславливается прежде всего своеобразной «прозрачностью» знаков власти.

Возведение знаков, определяющих суверенитет государства в ранг политических символов, определило их социальную значимость и предопределило применительно к ним методы изучения социума, которые в настоящее время характерны для социологической науки, но все шире применяются и в историческом исследовании. Речь идет не только об опросах респондентов, но и о следовании неким парадигмам, одной из которых является идея национальной идентичности. «Проблема реконструкции национальной идентичности становится актуальной в современном мире в силу процессов глобализации и интеграции, ведущих, с одной стороны, к размыванию идентичности и, с другой, – к стремлению восстановить ее исторические основы», – пишет адепт этой идеи главный редактор журнала «Отечественная история» (теперь «Российская история») А.Н. Медушевский. «Ключевой элемент национальной идентичности, – продолжает он далее, – картина исторического прошлого нации, которая находится в постоянном изменении и может становиться объектом манипулирования и направленного конструирования»⁷.

Многих отечественных историков данная идея привлекла возможностью изменения ценностных подходов в отношении кардинальных событий русской истории, среди них – «заполнение белых пятен», цивилизационный подход к историческому процессу, акцентация на

---

⁵ Кажанов О.А. Национально-государственная символика современной России как средство политической коммуникации. Смоленск, 1995. С. 3.

⁶ Морис-Георгица Г. Политические символы // Элементы теории политики. Ростов н/Дону, 1991. С. 346.

⁷ Медушевский А.Н. И. де Кегель. Реконструкция досоветской истории. Споры об идентичности в новой России. Гамбург, 2006 (Isabelle de Keghel. Die Rekonstruktion der vorsowjetischen Geschichte. Identitätsdiskurse in neuen Russland). Рецензия // Отечественная история, 2008. № 6. С. 158–161.

плюралистическом осмыслении тех или иных событий, смена стереотипов общественного сознания и т.д.

Знаки власти в контексте исследования проблемы идентичности заинтересовали многих европейских ученых, поставивших перед собой задачу показать, как страны, обретшие «широкую демократию» (Massendemokratie) в 1989–1991 гг., могут легитимизироваться через традицию. Немецкое научное общество (Deutsche Forschungsgemeinschaft) в Гуманитарном центре истории и культуры в Лейпциге с 2001 г. в рамках исследовательского проекта, касающегося истории культуры Центральной и Восточной Европы, развития ее визуальных аспектов в процессе государственной и общественной модернизации с 1918 г., публикует статьи авторов из разных европейских стран по данной проблематике в ряде журналов, но в основном в журнале «Восточная Европа» (Osteuropa), начиная с 2002–2003 гг. Отдельный выпуск – Osteuropa, 53. Jg., 7/2003 посвящен марбургскому историку, специалисту по Восточной Европе Гансу Лембергу в честь его 70-летия, составившему совместно с И. Эзером большой библиографический труд «Государственная идея и государственная символика в Восточной Европе в XX в.»⁸.

Большинство работ авторов из разных государств посвящены символике их стран, вопросам национальной идентичности: авторы освещают широкий спектр носителей и средств визуальной репрезентации государства, подчеркивающих легитимацию государственной традиции. В статье Арнольда Бартецки «Вновь коронованный орел. Визуальное изображение Польшей самой себя» отмечается, что государственные символы и другие визуальные носители того, как государство изображает самое себя, например, банкноты, монеты, почтовые марки, памятники и репрезентативные здания, являются не только зеркалом, но и фактором, воздействующим на сознание жителей государства при помощи политики. Интересно, что, например, на банкнотах вместо «выдающихся поляков» – музыкантов, писателей, актеров появляются короли, монархи (чего нет ни на одних банкнотах западноевропейских стран). Таким образом, в сознании граждан закрепляется государственная традиция прежде всего – преемственность государственности. С государственной символикой в Польше больших проблем не возникало. Бело-красное знамя существовало и при коммунистическом режиме. Гимн «Еще Польша не погибла», существовавший от 1795 г., также оставался неизменным и при ушедшем режиме. Белая орлица получила снова корону, однако, без креста, хотя отсутствие последнего вызвало дебаты в Сейме: «Tylko pod krzyżem, tylko pod tym Znakiem, Polska jest Polska a Polak Polakiem». 1990 г. Польша

⁸ Osteuropa, 53. Jg., 7/2003. S. 909.

встретила с удовлетворившими всех символами⁹. Не во всех странах, обретших в начале 1990-х гг. новую символику, принятие ее проходило без эксцессов. В теоретической статье Пола Колстё «Национальные символы в новых государствах. Знаки единства и разногласия» высказывается мнение, что в укрепившихся странах «банального национализма» (США, Великобритания, Новая Зеландия и др. – «устоявшиеся нации»), в которых имеется «доверие к своему собственному дальнейшему существованию», национальные символы выполняют функцию промоутера (В США – флаг, во Франции – гимн «Марсельеза», который, судя по ответам на вопрос: «Что объединяет французов?», – отвечали: «гимн» и почти каждый напевал «Марсельезу» (со словами)). Автор считает, что в новых не укрепившихся государствах национальные символы зачастую не выполняют функцию промоутера. Часто они даже только выявляют сильные различия внутри общества (выделяются этнические, партийные, мировоззренческие моменты).

Далее он приводит пример Македонии как молодой нации со слабой и плохо развитой национальной идентичностью. Когда в 1991 г. государство стало независимым, то большинство говорящих на славянском языке жителей считали себя этническими македонцами. Однако Болгария настаивала на том, что славяноговорящие македонцы – болгары. При помощи герба македонцы не могли доказать собственную македонскую идентичность, ибо в XVI в. и Македония и Болгария в западноевропейских гербовниках идентифицировались при помощи льва в короне. Македонцам пришлось вернуться к социалистическому гербу 1946 г. Речь пошла о флаге, который был введен в 1992 г. При помощи современных археологических раскопок была обнаружена в Северной Греции (около Верджины) 16-лучевая звезда, по мнению археологов принадлежавшая Филиппу II Македонскому. находка отсылала македонскую историю ко времени, когда еще не были разъединены албанцы и славяне, а знамя Македонии с этой звездой создало бы 2000-летнюю государственную традицию для современного Македонского государства; албанцы (иллирийцы) также приветствовали этот символ. Однако и Греция претендовала на античную Македонию; она наложила эмбарго на македонские товары, идущие через Салоники. В результате молодое Македонское государство должно было уступить: звезду сделали стилизованной 8-лучевой и в 1995 г. утвердили новый флаг Македонии с этим символом¹⁰.

Очень интересные статьи содержат материалы о символах суверенитета Боснии и Герцеговины, Белоруссии (которая, как известно, на государственном уровне не «зарилась» на литовскую «погонь», оставив

⁹ Ibidem. S. 910–920.

¹⁰ Ibidem. S. 995–1014.

социалистическую символику), Украины. В отличие от Македонии, отказавшись, правда, от серпа и молота, нерешившейся на исторический подлог, Украина объявила трезубец этническим национальным украинским символом коренного народа¹¹.

Привлекает к себе внимание статья Шт. Трёбста «Культ государственности в псевдогосударстве», посвященная новым процессам идентификации, происходящим в провозглашенной в 1990 г. Приднестровской Молдавской Республике¹². Автором использована обширная литература на многих языках, содержащая зачастую противоречивые взгляды на «непризнанное государство». В частности, им привлечены данные социологического опроса, проведенного молдавскими, приднестровскими, российскими и американскими учеными в 1998 г. по поручению фонда Карнеги, которые сделали заключение о «процессах формирования территориальной социокультурной идентичности Приднестровья». В том же году коллектив российско-американских географов констатировал, что в Приднестровской Молдавской Республике наблюдаются «явные признаки новой национальной конструкции», т.е. менее чем за одно столетие «обрела форму новая идентичность»¹³. Г-н Трёбст считает, что для формирования этой новой идентичности большую роль сыграли такие составляющие, как стремление к сохранению «советского наследия», выразившиеся в сохранении черт советской государственной символики (присутствие их в гербе и флаге Приднестровья), политика памяти, в которую «включался» и культ русского полководца А.В. Суворова в виде его памятников, и напоминание о «битве за Бендеры» 1992 г., оцениваемой как успешно выдержанное боевое крещение Приднестровской Молдавской Республики. К названным составляющим Штефан Трёбст относит и воссоздание культа президента ПМР Игоря Николаевича Смирнова¹⁴. Невольно вспоминаются размышления о символах русского писателя и журналиста, эмигранта, умершего в 1953 г. в Уругвае, Ивана Лукьяновича Солоневича. Он писал о том, что народу («подпрапорщикам запаса») нужен символ: «Что-то простое, явное осязаемое, подменяющее реальную сложность жизни схематизированной фигурой гения, вождя, сверхчеловека. Символ нужен и слою: слой сплавляется около этого символа, как около знамени. Иногда символ нужен и нации...»¹⁵. Далее Солоневич говорит о Франции, для которой символом стало 14 июля – день взятия Бастилии.

¹¹ Osteuropa, 53. Jg., 7/2003. S. 984–994.

¹² Ibidem. S. 962–983.

¹³ Ibidem. S. 981.

¹⁴ Ibidem. S. 979–980.

¹⁵ Солоневич И. Наша страна. XX век. М., 2001. С. 196–197.

В указанном издании «Восточная Европа» Российской Федерации – России часть своего большого очерка посвятил Пол Колстё (Pål Kolstø) – «Российская Федерация: постмодернистский компромисс Путина»¹⁶. Он утверждает, что не только в новых государствах, но и в реструктурированных, может возникнуть глубокий кризис в отношении политических символов. Однако Россия может служить примером выхода из тупиковой ситуации, касающейся государственной символики. Автор считает, что преодолел кризис Путин, осуществив постмодернистский компромисс, примирив политических противников. В декабре 2000 г. В.В. Путин выступил с предложением, которое объединяло инновацию и традицию. Он соединил символы, те, что предпочитали ориентированные на Запад демократы, с одной стороны, монархисты, которым покровительствовали националисты-славянофилы, с другой, с некоторыми знаками из советского времени, от которых не хотели отказаться коммунисты. В этом признается огромная заслуга В.В. Путина в плане выстраивания государственной символики, что переносится и на саму государственность.

Практически подобным же образом осмысляется «новая» – «старая» российская символика и еще одной западной исследовательницей Изабель де Кегель, которая издала две книги на тему российской государственной символики¹⁷. О своей первой книге она написала следующее: «Она (книга) посвящена истории флага, герба и гимна России с средних веков до современности. Первый маленький раздел содержит обзор того, как создавалась госсимволика в средние века. Основной фокус работы лежит на реформах госсимволики в переходное время, особенно во время правления Ельцина и Путина, и на дискурсе об этих реформах. Кроме того, книга содержит раздел о том, как воспринималась и воспринимается госсимволика населением в переходное время. Он основан на опросах институтов общественного мнения (особенно ФОМ) – и на 22 качественных интервью, которые я взяла осенью 2004 г. в Москве. Основной тезис книги состоит в том, что для символической политики ельцинского времени характерен сильно выраженный антикоммунизм, который не мог служить идентификационной основой для широкого населения. В отличие от этого путинская символическая политика была направлена на то, чтобы создать синтез дореволюционной и российской символики, правда, не считаясь с возражениями либеральной интеллигенции. Как показывают опросы,

¹⁶ Osteuropa, 53. Jg., 7/2003. S. 1009–1014.

¹⁷ Isabelle de Kegel. Die Staatssymbolik des neuen Russland im Wandel. Vom antisowjetischen Impetus zur russländisch – sowjetischen Mischidentität. Bremen, 2003; Die Staatssymbolik des neuen Russland. Traditionen – Integrationsstrategien – Identitätsdiskurse. Münster, 2009.

обновленная государственная символика до сих пор полностью не была освоена населением. Но она по крайней мере получила одобрение Государственной Думы, которой без успеха добивался Ельцин» (из личной переписки).

И работа П. Колстё и книга де Кегель, хоть и различаются по качеству и объему, в целом похожи. Это бесстрастное изложение сообщений Интернета, официальных документов «организующего» характера (постановлений, подзаконных актов, опросов случайных людей, так сказать постфактум). Здесь не использованы архивные данные, свидетельства очевидцев трагедии становления сегодняшних государственных символов, которая длилась почти 10 лет и оказала исключительно отрицательное воздействие на наше общество.

Вопрос о символах новой демократической России при всей кажущейся простоте – возвращение к старине, к традициям – остается сложным, даже можно сказать, не совсем понятным. Он «завязан» на российской событийности 90-х гг. прошлого века – «нулевых» годах века нынешнего, на личностях, возглавлявших наше государство в это время, на их «командах», последователях, преемниках и противниках.

Возникновение символики демократической России соотносят с именем первого Президента России Б.Н. Ельцина. «Государственная независимость России, возникновение посткоммунистического общества, приход Б. Ельцина к власти (12 июня) – началом всех этих перемен стал 1991 год»¹⁸. К числу безусловных новаций Ельцина относят «ряд мер..., имевших скорее символический, нежели политический характер. Были подписаны указы президента Российской Федерации «О Государственном гербе», «О Государственном гимне», «О Государственном флаге». Подобное заявление прозвучало из уст соратника Ельцина В. Костикова»¹⁹.

Несогласием с последним выглядит определение, данное указам биографом Б.Н. Ельцина Борисом Минаевым. Он, напротив, видит в новой символике политический смысл: «Эти указы формально были первыми действиями Ельцина, обозначившими новую эпоху. В ней ему слишком многое предстояло придумать и осуществить заново. С чего начать строительство этого нового государства на карте мира?» «У страны, как правильно рассуждает президент, н е м о ж е т н е б ы т ь флага, гимна и

¹⁸ Докторов Б.З., Ослон А.А., Петренко Е.С. Эпоха Ельцина: мнение россиян. Социологические очерки. М., 2002. С. 13.

¹⁹ Костиков Вяч. Роман с президентом. Записки пресс-секретаря. М., 1997. С. 263. Здесь же Костиков посчитал нужным добавить: «Мэр Москвы Ю.М. Лужков, пользуясь благоприятным моментом, сделал отчаянную попытку осуществить свою (и не только свою) давнюю идею вынести из кремлевского мавзолея мумию Ленина. Был даже приложен проект президентского указа». Однако Ельцин уклонился от реализации этой идеи.

герба. С другой стороны, спрашивать у страны, у народа, какие флаг и гимн они предпочитают, – сейчас, в период тяжелой депрессии, когда еще не остыл кошмар октября, когда общество поляризовано и одни ненавидят новую власть, а другие по-прежнему полны надежд и веры, – тоже бессмысленно...»²⁰. Далее биограф домысливает действия Б.Н. Ельцина в отношении символики: «Он рассуждает так: в конце концов, флаг можно заменить, слова гимну придумать другие, главное – чтобы не было удручающей пустоты». «Три главных символа нового государства.., – добавляет Минаев, – приняты в момент, когда либеральная интеллигенция, демократы первой волны задавали тон в обществе». Далее, на наш взгляд, просматривается явная нестыковка в осмыслении символики, которой дает характеристику автор: «двуглавый орел, держащий скипетр, – символ новой страны, который отсылал нас к истории, самой древней, монархической...»²¹. Нестыковка здесь вербальная: «демократы, задающие тон в обществе»²² и обращение «к монархической истории»²³. Возможно, меня упрекнут в казуистике. Однако не только вербальное противоречие, но и смысловое, типа: может ли монархический двуглавый орел «олицетворять наше евроазиатское федеративное демократическое пространство?»²⁴ волновало граждан.

Поскольку вопрос о двуглавом орле был исключительно неоднозначно воспринят обществом в 90-е гг. XX в., несмотря на все уверения некоторых историков, причисляющих себя к знатокам символики, что именно такой коронованный орел со скипетром, державой должен служить государственным символом демократической России, я привожу здесь материал, являющийся частью статьи, написанной мною к 10-летию президентского указа о Государственном гербе для журнала «Государственная служба» (изд.: Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации).

Ни десять лет тому назад, ни теперь не акцентировалось внимание граждан нашей страны на том факте, что герб в подобном варианте Санкт-

²⁰ Минаев Б.Д. Ельцин. М., 2010. С. 444–445.

²¹ Там же. С. 444.

²² Демократия, как известно, это форма политической организации общества, основанная на признании народа источником власти, когда народ имеет право участвовать в решении государственных дел, обладая широким кругом прав и свобод.

²³ Монархия – такая форма правления, при которой верховная власть принадлежит (частично, полностью, номинально) единоличному правителю. Так называется и государство с подобным правлением. Но, может быть, г-н Минаев имел в виду особую демократию (особых демократов), например, суверенную?

²⁴ Родионов Б. Может ли быть гербом Российской Федерации двуглавый орел, хотя и «подобнее»? // Известия, декабрь, 1991 г.

петербургский архитектор Е.И. Ухналев не срисовал, а нарисовал «по мотивам» Малого герба Российской империи. Вместо золотого гербового щита и черного двуглавого орла герб РФ получил иные цвета, что в геральдике означает и другой герб. С крыльев орла были убраны титульные гербы, Драконоборец повернут в правую от зрителя (традиционную для российской символики) сторону и назван «всадником в синем плаще», тогда как, между прочим, в официальном описании герба Российской империи Драконоборец назван так, как ему и положено – святой Георгий. Отказ от исторического святого Георгия – православного святого, как потом объясняли разработчики нового герба РФ, был обусловлен многоконфессиональностью России. Но ведь Георгия Победоносца почитают и мусульмане, называя Джирджисом...

...В политизированном российском обществе начала 90-х гг. всякое нововведение объяснялось прежде всего политикой. При обсуждении проекта Федерального конституционного закона о государственных символах Российской Федерации, которое проходило в Государственной думе 7 и 9 декабря 1994 г., депутат В.В. Семаго откровенно об этом заявил: «... речь идет об обыкновенной политике. Была волна антикоммунизма, нужно было заменить те символы, которые были ненавистны людям, сегодня приведшим к ее нынешнему положению, и они сделали самое оптимальное из того, что могли»²⁵.

Что же касалось простых избирателей, новый герб на заре возрождаемой суверенной России воспринимался многими по двуглавному орлу не иначе как символ Российской империи. Люди выражали на страницах газет и журналов, в основном, оппозиционных, свое негативное отношение к «царскому символу». В газете «Советская Россия» от 7 января 1992 г. было опубликовано письмо читательницы Г. Мурманской под заголовком «Двуязычный наш орел», в котором она писала: «На днях по телевизору показали, как наши новые российские власти выбирали «подходящий вариант» нашего нового герба. Решили, как это было видно из передачи, вновь вернуться к двуглавному орлу. На фоне нашей нищеты, разрухи и убожества эти «демократические потуги» выглядят очень жалко и смешно». Далее автор письма цитировала стихи о двуглавлем орле:

*Я нашел, друзья, нашел,
Кто виновник бестолковый.
Наших бедствий, наших зол.
Виноват во всем гербовый,
Двуязычный, двуголовый,
Всероссийский наш орел.*

---

²⁵ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Бюллетень № 69. 1994. 7 декабря. С. 43.

Стихотворение «Двуглавый орел» написал в середине XIX в. дворянин, поэт-демократ В.С. Курочкин, опубликовав его за границей. Впрочем, олицетворял он этот, ни в чем не повинный знак с ненавистным ему царизмом, а отнюдь не с Русским государством. К этим же стихам обратился и народный депутат РСФСР, ныне покойный, Ф.Д. Поленов, продекламировав их на «круглом столе» в 1991 г., причем высказал диаметрально противоположное в отличие от г. Мурманской мнение: этот символ должен быть в нашем гербе, «потому что он пережил столетия...»²⁶.

Действительно, причем тут нищета? Нищие были и есть в любом государстве, государственный знак – эмблема, символ и вряд ли когда-либо соотносился с уровнем жизни населения.

Дело в другом. Не понятно было, почему странного облика птица должна заменить столь привычный и простой знак Советского государства в виде перекрещенных серпа и молота. Известный филолог и философ, ученый-энциклопедист А.Ф. Лосев дал этому знаку следующую характеристику: «Это есть такой знак, который волнует умы, зовет к подвигам, двигает народными массами и вообще является не просто знаком, но конструктивно-техническим принципом для человеческих действий и волевой устремленности, для построения новой жизни и для переделывания действительности из старой в новую»²⁷.

Возможно, не слишком много людей было знакомо со столь глубоким осмыслением основной фигуры герба Советского Союза. Однако, может быть, и не замечая герб каждодневно, миллионы жителей нашей страны признавали его «своим». Поэтому-то и вызывал отторжение герб «чужой», а никто по-настоящему не объяснял, что возникший вместе с реформами символ также «свой», неразрывно связанный с многовековой историей России.

Модель двуглавого орла без атрибутов монархической власти очень быстро появилась на экранах телевизоров и на страницах газет в качестве проекта отличительного знака Российской Федерации. К сожалению, до телезрителей и читателей не доводились какие-либо сведения об этой эмблеме. А ведь она была одобрена Временным правительством менее чем через месяц после отречения от власти последнего российского императора, когда остро встал вопрос о создании печати нового правительства, исходящие от которого документы требовали легитимности. За этот месяц «на ноги были поставлены» все специалисты по геральдике, художники, которые с ними сотрудничали. Один из них – Иван Яковлевич Билибин, член художественного объединения «Мир искусства», оформивший множество

²⁶ Герб и флаг России: какими им быть? Круглый стол // Народный депутат. 1991. № 5. С. 72.

²⁷ Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976. С. 30.

детских книг и сказок, прекрасный график, вместе со своим учеником Г.И. Нарбутом сотрудничавший в первых отечественных геральдических изданиях, нарисовал двуглавого орла для печати Временного правительства. Изданные недавно «Журналы заседаний Временного правительства» свидетельствуют о дискуссии по поводу нового герба России, о намерении отложить окончательное решение вопроса о гербе до созыва Учредительного собрания; сами геральдисты не были едины в выборе главной фигуры герба новой свободной России, однако настоятельная необходимость изготовления печати заставила их «пока» остановиться на двуглавым орле без каких-либо атрибутов ушедшей в небытие царской власти.

Высокохудожественно выполненный, как и все рисунки И. Билибина, в условиях нашей действительности орел приобрел гротескный характер. Как только его не называли в прессе: «цыпленок табака», «чернобыльский мутант»! Даже среди специалистов не было единства взглядов на данную эмблему. Одни видели в двуглавым орле «птичку с опущенными крыльями», тогда как другие считали ее великолепной, «свободной, гордой и мощной птицей»²⁸. Идея исторической преемственности, патриотизма, восхищения деяниями предков нашла отражение в новой форме двуглавого орла, которому «вручили» скипетр и державу, головы увенчали тремя коронами, а на грудь поместили Драконоборца.

Однако эта форма герба, как, впрочем, и все другие варианты, вызывала недоуменные вопросы: «А зачем орлу три короны? Что они означают?», «Почему у орла две головы?», «Почему в республиканском гербе присутствуют символы монархической власти – скипетр и держава». И так далее... К сожалению, ответы должностных лиц, дающих интервью, были не слишком вразумительны. Например, три короны «символизируют единство трех властей – судебной, законодательной и исполнительной»²⁹. На что следовал новый вопрос: «А какая власть выше? Короны же расположены не на одном уровне?». О двух головах орла можно было прочесть, что орел смотрит в Европу и в Азию, а скипетр и державу символизируют просто власть.

Конечно, многих неприятий населением нового герба, а также и флага, резких высказываний в средствах массовой информации относительно последних можно было бы избежать, если бы с самого начала грамотно велась пропаганда вводимой символики. Например, если бы с введением герба новой России в средствах массовой информации было объяснено, что

---

²⁸ Народный депутат, 1991. № 5. С. 78.

²⁹ Их ответы публиковались на страницах центральных и местных газет. Чаще всего они были, мягко говоря, «неисторичны», даже фантастичны. См., например, публикацию «Тысячелетие двуглавого орла» (без подписи) // Российская газета, 1993, 3 декабря.

три короны в XVII в. при царе Алексее Михайловиче трактовались как три царства – Астраханское, Сибирское, Казанское – согласно его титулу, а теперь они не означают ничего. Если бы это объяснили, то не было бы «современных» вопросов типа: «А которая власть выше, значимее?». О двуглавости орла также можно было бы сказать: это необычная эмблема – продукт фантазии и мифологии, а удвоение животного – характерная особенность древнешумерской образной художественной культуры, в которой эта фигура (вместе с двухговым львом, орлом с львиной головой и т.д.) и появилась в III тысячелетии до н.э. Пройдя долгий путь в Европу, она стала государственной эмблемой в ряде стран Западной Европы и главное – у европейского монарха номер один, императора Священной Римской империи, где существовало разделение: печать с одноглавым орлом – королевская, с двуглавым – императорская. В этом качестве двуглавого орла поместил на своей печати и впервые применил создатель единого Русского государства великий московский князь Иван III Васильевич (1462–1505). К концу XV в. Иван III, чтобы укрепить политический престиж молодого государства и свой лично, принял ряд мер: выпустил золотую монету в подражание известнейшим в европейском денежном обращении венгерским дукатам, изменил придворный церемониал на европейский манер, провел ряд дипломатических акций, возвеличивающих его особу, венчал на великое княжение внука Дмитрия. Как символ знатного происхождения великого князя Ивана III на печати его государства утвердился двуглавый орел. Внук Ивана III Иван Васильевич Грозный выразил эту идею вербально, заявив шведскому королю Юхану III в ответ на замечания последнего относительно русских знаков власти: «А что писал еси о Римского царства печати, и у нас своя печать от прародителей наших, а и римская печать нам не дико: мы от Августа Кесаря родством ведемся».

Словом, многих проблем с новой (исторической) символикой России можно было бы избежать, если бы, например, одновременно со стихами В.С. Курочкина «Двуглавый орел» во всех средствах массовой информации звучали бы вирши автора первой русской геральдической поэмы «Орел Российский» Симеона Полоцкого, который в XVII в. прославлял эмблему великой Российской державы такими словами:

*Пресветлый Орле Российския страны,
Честнокаменным Венцем увенчаны,
Орле преславный, высоко парящий,
Славою орлы вся превосходящий!*

Б.Н. Ельцин, размышляя о символике России, не случайно уповает на приоритет верховной власти и прежде всего на себя лично в организации

государственных атрибутов власти, считая, что «тяжкая депрессия», овладевшая народом после октября 1993 г., не позволит ему (народу) остановить свой выбор на «предпочтительных» знаках суверенитета своей страны. Он лишь отчасти прав. Можно сказать, что известное интеллектуальное равнодушие в российском обществе в целом наступило за несколько лет до событий 1993 г. Социологи отмечают: «Уже в конце 1980-х гг. многим советским гражданам были присущи сомнения относительно нерушимости, устойчивости, жизненности их общественной системы. Это проявлялось, в частности, в том, что почти половина жителей Союза (45%) в 1990 г. затруднялась охарактеризовать политическое устройство своего государства»³⁰. Как следствие – безразличие к символам суверенитета страны большинства ее жителей. «Знамя, герб, гимн, другие символы государственности оказались в заключительных строках списка (речь идет о социологическом опросе в конце 1989 г. о значимых факторах государственности – Н.С.) – важнейшими их признавали лишь 8% респондентов»³¹.

Свою интерпретацию протекающим во второй половине 80-х гг. в советском обществе процессам дает известный политолог С.Г. Кара-Мурза: «В момент смены поколений была предпринята форсированная операция. На разрушение духовного и психологического каркаса советского народа была направлена большая кампания, названная «перестройкой». Демонтаж народа проводился сознательно, целенаправленно и с применением сильных и даже преступных технологий. Предполагалось, что в ходе реформ удастся создать новый народ, с иными качествами («новые русские», «средний класс»)»³². Социолог А.Н. Данилов, выделяя этапы, свойственные постсоциалистической трансформации российского общества, в 90-е гг., особо подчеркивает «перемену духовно-культурных ориентиров общественного развития»³³. Подобную точку зрения высказывает и экономист М.И. Гельвановский. Объясняя главную причину крушения советского строя, он пишет: «Анализ причин столь молниеносного обвала показывает, что главная из них – бездуховность»³⁴. В этом контексте интересно мнение Г. Каспарова, мирового чемпиона по шахматам: «Люди, которые выходили на площади в начале 1990-х гг., действительно считали, что если уйдет эта власть (советская – Н.С.), будет все нормально, потому что никаких представлений об окружающем мире у них не было»³⁵.

³⁰ Докторов Б.З., Ослон А.А., Петренко Е.С. Указ. соч. С. 37.

³¹ Там же. С. 43.

³² Цитир. по книге: Кротков В.О. От СССР к России. Авторитарная трансформация рубежа XX–XXI веков. М., 2010. С. 51.

³³ Там же. С. 68.

³⁴ Там же. С. 52.

³⁵ Там же. С. 59.

Указанные обстоятельства привели к выкорчевыванию из сознания советских людей (в подавляющем большинстве) тех качеств, на которых зиждились знаки государственности СССР (интернационализм, союз трудящихся, единство советских народов как одна семья и проч.). Не случайно М.М. Горбачев, избранный в марте 1990 г. президентом СССР, «вспомнил» вдруг о красном флаге государства, решив обязательно присутствовать на выборах Председателя Верховного Совета РСФСР. Как вспоминает один из помощников Горбачева В.И. Болдин, возникла проблема размещения Президента СССР в зале: сесть в первом ряду – вроде не годится, занять место в президиуме – тоже. «Идея отвергается потому, что туда М.С. Горбачев решил идти с союзным флагом президента. ... в тот день, когда решался вопрос, где размещаться Горбачеву на съезде народных депутатов РСФСР, многое определял флаг. Флаг и другая атрибутика были заведены Горбачевым впервые. То ли он сам видел, что президент США находится всегда рядом с флагом государства, то ли это подсказали его помощники, но он дал команду ставить рядом с ним флаг СССР, а на самолетах президента изобразить союзный герб. Служба безопасности все эти пожелания исполнила, и теперь в кабинете президента, в залах совещаний, в других помещениях, где он находился, в специальных подставках красовался алый флаг СССР»³⁶.

Далее, рассказывая о съезде депутатов РСФСР, Болдин с сарказмом замечает: «то ли флаг был недостаточно виден, то ли президент, но поход его на съезд не принес ожидаемого результата», ибо претендент от КПСС не был избран.

Между тем в СССР происходили процессы, свидетельствующие о распаде единого государства. Еще в 1989 г. «стали звучать голоса о возможности воспользоваться статьей Конституции СССР о праве выхода из СССР». В сентябре 1989 г. Верховный Совет Азербайджанской ССР принял закон о суверенитете республики; в ноябре того же года Верховный Совет СССР принял закон об экономической самостоятельности прибалтийских республик – Литвы, Латвии и Эстонии; 11 марта 1990 г. Верховный Совет Литвы принял постановление «О восстановлении независимости Литовского государства»; в июне 1990 г. Верховный Совет Узбекистана принял декларацию о его суверенитете, а Верховный Совет Молдавии – декларацию о суверенитете ССР Молдова и т.д.³⁷

Россия не была в числе первых, кто стал «независимым» государством, но и не отставала от других бывших республик. 12 июня 1990 г. I-й съезд народных депутатов РСФСР принял «Декларацию о государственном

³⁶ Болдин В.И. Крушение пьедестала. М., 1995. С. 370–371.

³⁷ Об этом см.: Кротков В.О. Указ. соч. С. 36–37.

суверенитете РСФСР» подавляющим большинством голосов. Чуть ранее – 30 мая 1990 г. Б.Н. Ельцина избрали Председателем Верховного Совета РСФСР. Эти и многие другие обстоятельства сыграли свою роль в формировании проекта «Россия», в осуществлении которого основополагающую роль, как считает его биограф, сыграл Ельцин. «Отныне слово «Россия» станет главным в его лексиконе»³⁸.

Однако, как справедливо замечает жизнеописатель Б.Н. Ельцина Б. Минаев, Ельцин не был первым, кто самым серьезным образом озаботился судьбой России в это время. Патриот русской деревни, известный писатель В. Распутин на съезде народных депутатов СССР заявил: «Мы, россияне, с уважением и пониманием относимся к национальным чувствам и проблемам всех без исключения народов и народностей нашей страны. Но мы хотим, чтобы понимали и нас. Шовинизм и слепая гордыня русских – это выдумки тех, кто играет на ваших национальных чувствах... Но играет, надо сказать, очень умело. Русофобия распространилась в Прибалтике, Грузии, проникает она и в другие республики, в одни меньше, в другие больше, но заметна почти повсюду. Антисоветские лозунги соединяются с антирусскими... Не мне давать в таких случаях советы. Вы, разумеется, согласно закону и совести распорядитесь сами своей судьбой. Но по русской привычке бросаться на помощь, я размышляю: а может быть России выйти из состава Союза, если во всех своих бедах вы обвиняете ее и если ее слаборазвитость и неуклюжесть отягощают ваши прогрессивные устремления? Может, так лучше? Это, кстати, помогло бы и нам решить многие проблемы, как настоящие, так и будущие»³⁹.

В этом же году «Комсомольская правда» публикует статью «Как нам обустроить Россию?», где ее автор, кумир либеральной интеллигенции, Александр Исаевич Солженицын наметил прямой путь дальнейшего развития страны: «Сегодня видится так, что мирней и открытой для будущего: кому надо бы разойтись на отдельную жизнь, так и разойдись... Как у нас все теперь поколѣсилось – так все равно «Советский Социалистический» развалится, все равно! – и выбора настоящего у нас нет, и размышлять-то не над чем, а только – поворачиваться проворней...»⁴⁰.

³⁸ Минаев Б. Указ. соч. С. 227–232. Восторженно-наивно автор рассказывает о начальной «задумке» проекта «Россия»: «Это случилось в летние дни 1990 года в квартире Ельциных у Белорусского. Наина Иосифовна (супруга Бориса Николаевича – Н.С.) вспоминает: «Однажды он вернулся домой с заседания союзного съезда, совершенно больной, измученный, и вдруг сказал мне такую фразу: Надо спасать Россию! Я, честно говоря, ничего не поняла и даже испугалась. Какая Россия? Тогда был Советский Союз, и никто в таких категориях еще не мыслил. Я так и спросила: Боря, ты о чем? Какая Россия? – Нашу Россию!».

³⁹ Государственность России: идеи, люди, символы. М., 2008. С. 396; Минаев Б. Указ. соч. С. 233.

⁴⁰ Цитир. по кн.: Минаев Б.: Указ. соч. С. 233–234.

«Российское «возрождение» стало остроактуальной идеей абсолютно для всех классов, слоев, политических движений», – справедливо замечает Б. Минаев⁴¹. «Ельцин, – как он пишет, – придал этой идее черты сухого прагматизма». А сам Ельцин, между тем, отмечает: «Я поддерживал новую и непонятную идею суверенитета России»⁴². Ну, не важно. Важно, что тотальное равнодушие российского общества, о котором писали социологи (см. выше), сменилось, пусть не повсеместно и не в массовом порядке, но идеей «нашей России», причастности к России и к «русскому». В символике это нашло отражение в интенсивном распространении бело-сине-красных стягов сначала на митингах в поддержку демократии (в Ленинграде, в Москве их подняли митингующие по случаю годовщины Февральской революции), а затем, если так можно выразиться, как символ самоидентификации «русскости»: бело-сине-красные полотнища реяли, в частности, над сбитыми из досок столами, поставленными около спорткомплекса «Олимпийский», где собирали помощь бастующим шахтерам Кузбасса и Воркуты⁴³. (Одиноко стоящие люди под развевающимися на ветру бело-сине-красными полотнищами производили сильное эмоциональное впечатление – к ним тоненьким ручейком стекались люди с пачками «грузинского» чая, пакетами сахарного песка, пачками сигарет... – все, что в то время получали «в заказах» простые москвичи).

Практически сразу же в популярной прессе началась пропаганда бело-сине-красного стяга, а заодно и двуглавого орла как исторических символов Российского государства⁴⁴. Эти статьи дилетантичны, содержат зачастую недостоверный фактический материал, и только позднее появляются книги, написанные профессиональными историками на тему российской государственной символики, ранее мало привлекавшей внимание ученых.

В вышеупомянутых статьях западноевропейских авторов, дававших оценку введенной в 90-х гг. российской символике, изначально неверно определяется каждый из символов. Так, трехполосный флаг трактуется не как «царистский», но как «прозападный»⁴⁵. Отсылка к Петру I, который разрабатывал форму и цвета российских флагов, в данном случае несостоятельна, ибо надо знать историю этой деятельности царя⁴⁶. В

⁴¹ Там же. С. 234.

⁴² Ельцин Б.Н. Записки президента. М., 1994. С. 51.

⁴³ Кротков В.О. Указ. соч. С. 35.

⁴⁴ Например: Гереальдика государства Российского // Огонек, 1990, № 18; Двуглавый орел: снова в полет? // Родина, 1991, № 5; Двуглавый орел: прерванный полет // Союз, 1991, № 13 и т.д.

⁴⁵ Пол Колстё. Национальные символы в новых государствах (Pål Kolstø. Nationale Symbole in neuen Staaten) // Osteuropa. S. 1009.

⁴⁶ Соболева Н.А. Российские флаги в дискурсе истории. Гл. III в книге: Соболева Н.А. Очерки истории российской символики. От тамги до символов государственного суверенитета. М., 2006.

последней трети XIX в. на первый план выступает приоритетность бело-сине-красного стяга как обывательского (гражданского). В своем законодательном распоряжении от 28 апреля 1883 г. Александр III дал определение флагу, состоящему «из трех полос: верхней – белого, средней – синего и нижней – красного цветов» как «исключительно русскому флагу». Император Николай II 29 апреля 1896 г. повелел: «объявить теперь же, что национальным флагом должен почитаться во всех случаях флаг бело-сине-красный, и другие флаги допускаемы быть не должны». Однако монархисты продолжали использовать и официально узаконенный в 1858 г. черно-желто-белый флаг. В последнее десятилетие XIX в. бело-сине-красный флаг украшал ярмарки, другие народные праздники, вывешивался на зданиях, украшал памятники – к юбилею А.С. Пушкина, памятник гренадерам, павшим под Плевной, и т.д. Словом, воспринимался как народный, демократический, в отличие от правительственного черно-желто-белого. Как национальный русский флаг (с таким подтекстом) он применялся и в период Временного правительства в 1917 г. наряду с огромным количеством других знамен с новой демократической эмблематикой. Под ним прошли в указанный период патриотические манифестации, ряд «праздников свободы»⁴⁷.

Временное правительство не создало какой-либо системы новых знаков, которая заменила бы символику Российской империи, как это было, в частности, во Франции в 1789–1794 гг. Вследствие острой необходимости заверения финансовых документов оно утвердило 21 марта 1917 г. печать с двуглавым орлом, лишенным атрибутов, и надписью «Российское Временное Правительство» (об этом – выше). Подобный «билибинский» орел, демократический, без «царистских» признаков, по-видимому, и должен был занять место «серпа и молота» в новой, демократической России. Не случайно на Санкт-Петербургском монетном дворе отчеканились монеты с этим орлом, с предполагаемым гербом. Однако, как отмечалось выше, общественное мнение крайне негативно охарактеризовало его дизайн. Этот двуглавый орел превратился в эмблему российского банка.

Что касается бело-сине-красного флага, то в апреле 1991 г. Правительственная комиссия Совета Министров РСФСР одобрила его применение как нового официального символа Российской Федерации. В том же году 22 августа Чрезвычайная сессия Верховного Совета РСФСР постановила: «считать исторический флаг России – полотнище из равновеликих горизонтальных белой, лазоревой и алой полос – официальным Национальным флагом Российской Федерации». Событие столь эмоционально было воспринято депутатами, что в суете забыли придать

---

⁴⁷ Корнаков П.К. Знамена Февральской революции // Геральдика. Материалы и исследования. Л., 1983; Колоницкий Б.И. Указ. соч. С. 95–99.

флагу статус Государственного. Еще до Указа Президента 1993 г., где этот флаг назван Государственным, в качестве такового он проявил себя 25 декабря 1991 г. В 19 часов 36 минут над Кремлем дрогнул и поплыл вниз, освещаемый лучами прожекторов красный Государственный флаг СССР, скрылся, и на смену ему на флагштоке стал подниматься бело-сине-красный Государственный флаг России. Советский Союз перестал существовать. Россия осталась, превратившись из союзной республики в самостоятельное государство»⁴⁸.

«Послепутчевское событие»⁴⁹ – выбор депутатами Чрезвычайной сессии Верховного Совета РСФСР бело-сине-красного стяга через три с лишним года превратилось в государственный праздник. Президент Б.Н. Ельцин 15 апреля 1994 г. издал Указ о Дне Государственного флага Российской Федерации: «В связи с восстановлением 22 августа 1991 г. исторического российского трехцветного государственного флага, овеянного славой многих поколений россиян, и в целях воспитания у нынешнего и будущих поколений граждан России уважительного отношения к государственным символам постановляю – Установить праздник – День Государственного флага Российской Федерации и отмечать его 22 августа».

Гимн СССР так же, как в свое время знаменитый «Боже, Царя храни...» после отречения Николая II в 1917 г., оказался не нужен российскому обществу. Поисками мелодии и слов для нового гимна в противоположность «исканиям», которые наблюдались в 1917–1918 гг. в отношении «главной песни» тогдашней «новой России»⁵⁰, власти Российской Федерации особенно не были озабочены. Считается, что Московский Союз композиторов выбрал для гимна мелодию «Патриотической песни» великого русского композитора М.И. Глинки. Эта мелодия еще в 1945–1948 гг., когда решался вопрос о гимне Российской Советской Федеративной Социалистической Республики,

⁴⁸ Государственность России: идеи, люди, символы. С. 416.

⁴⁹ 19 августа 1991 г. в Москве был создан Государственный Комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП), «реакция на который со стороны либеральной оппозиции привела к историческим событиям, получившим название путч. 21 августа 1991 г. контроль над силовыми структурами переходит к президенту России. СССР фактически утрачивает верховную исполнительную власть. 30 августа 1991 г. распущена коллегия КГБ, правительство СССР отправлено в отставку» – Кротков В.О. Указ. соч. С. 39. Подробное описание событий, известных под названием «Августовский путч» см. в книге: Пихоя Р.Г., Соколов А.К. История современной России. Кризис коммунистической власти в СССР и рождение новой России. Конец 1970-х – 1991. М., 2008. С. 365–394. В книге содержится расширенное изложение событий августа 1991 г. в авторской интерпретации, близкой к официальной.

⁵⁰ Российским гимнам разных эпох посвящены ряд статей Н.А. Соболевой. Одна из них «Создание государственных гимнов Российской империи и Советского Союза», опубликованная в журнале «Вопросы истории» (2005, № 2), переведена на английский язык и напечатана в журнале: Russian Studies in History. Fall. 2008 / vol. 47, № 2. P. 31–58.

когда проводился конкурс на музыку и слова российского гимна и прослушивались 97 вариантов музыки, предлагалась конкурсной комиссии. Однако была отклонена, ибо оказалось, что крайне сложно из-за непростого музыкального ряда написать слова на эту мелодию⁵¹.

В литературе данная мелодия Глинки неправомерно называлась «Национальным гимном», который, как доказали современные музыковеды Санкт-Петербурга, никогда не создавался композитором (и сама мелодия могла появиться гораздо позднее созданной А.Ф. Львовым мелодии «Боже, Царя храни...»), затем ее также неправомерно переименовали в «Патриотическую песню». Как бы ни называлась эта мелодия, как бы прекрасна она ни была, в качестве ее исключительной «пригодности» как музыки для гимна сомневались известнейшие современные композиторы. Например, председатель Союза композиторов Санкт-Петербурга Андрей Петров при обсуждении музыки Глинки 8 декабря 2000 г. заявил: «Именно мне довелось десять лет назад оркестровать «Патриотическую песню» Глинки, и все мы тогда были в эйфории. Но года полтора назад я стал говорить в интервью, что мы, может быть, сделали ошибку. Потому что есть более яркие музыкальные гимны, и притом широко известные. Это «Слався!» Глинки, «Богатырские ворота» Мусоргского»⁵². Примерно в этом же ключе высказывался и председатель Союза композиторов Москвы Олег Галахов.

Игнорируя принцип сочетания в гимне мелодии и стихов, депутаты Верховного Совета РСФСР на своей сессии 23 ноября 1990 г. приняли мелодию «Патриотической песни» Глинки в исполнении военно-духового оркестра Министерства обороны СССР «на ура», а 27 ноября 1990 г. на II внеочередном Съезде народных депутатов РСФСР эта мелодия Глинки единогласно утверждена в качестве государственного гимна РСФСР.

Как отмечалось выше, трехполосный флаг «зафиксировался» в 1989 г. на улицах Москвы и Санкт-Петербурга, мелодия союзного гимна практически не исполнялась. На страницах печати появились намеки на необходимый демократической России герб в виде двуглавого орла. Мнение было сформировано в результате обсуждений⁵³, организованных

⁵¹ Зинич М.С. Музыкальный символ России // Отечественные архивы, 1998, № 4. С. 83–84.

⁵² За Глинку! Против возврата к советскому гимну. Сборник информационных материалов. М., 2000. С. 92, 93.

⁵³ 19 октября 1990 г. I-й съезд народных депутатов принял постановление о подготовке и рассмотрении проекта Закона РСФСР «О государственной символике», а 5 ноября того же года уже Правительство постановило создать Государственный герб и Государственный флаг РСФСР. По распоряжению Правительства сформировалась Комиссия, по поручению которой разработку вопросов российской символики поручили Комитету по делам архивов при Совете Министров РСФСР. Прибывший вместе с Б.Н. Ельциным из Екатеринбурга, назначенный

заинтересованными людьми и приглашенными научными работниками, согласными с единственной позицией: гербом государства должен быть двуглавый орел. Возражения типа того, что его вряд ли одобряют жители Кавказа (народный депутат РСФСР Р. Мухамадиев), не принимались. Депутат В.М. Тарбоков сообщил, что «пилотный» опрос жителей (в частности, крестьян из ярославских деревень) выявил резко отрицательное отношение к двуглавному орлу в качестве герба России. Критические замечания в адрес предлагаемой эмблемы («символ не должен быть смешным», «чем не устраивает уважаемое собрание ныне существующий по моему очень красивый и очень четкий герб Российской Федерации?» – доктор юридических наук Г.А. Туманов), попытки предложить иную, более приемлемую эмблему, «объединяющую все народы (РФ – Н.С.) и все идеологии», наталкивались на жесткую позицию председателя; негодующие речи сторонников хищной птицы, самыми различными способами, вплоть до «старозаветных» (две головы – это Европа и Азия), доказывающими важность и необходимость использования в гербе двуглавого орла – его раскрытых клювов и массивных лап. Причем с каждым новым заседанием сторонников двуглавого орла из среды научных работников, а также чиновников, становилось все больше, несогласные не приглашались. В конце концов, один из присутствующих (художник) заметил: «Пока шло обсуждение, я понял, у меня было такое впечатление, что уже решено вами..., что должен быть орел. Дело в том, что группа (художников – Н.С.) получила уже абсолютно точные рекомендации, где было сказано, что может быть только орел или Георгий Победоносец» (из личной записи).

По решению Правительства вопрос о гербе, вернее, о рисунках двуглавого орла освещался в прессе. Художники предлагали различные варианты фигуры двуглавого орла, члены ельцинской команды,

---

руководить архивной службой РСФСР Р.Г. Пихоя энергично взялся за порученную работу, организовав с конца 1990 г. по нач. 1991 г. около 5 «круглых столов» (см.: Вилинбахов Г.В. Геральдические будни/Геральдика. Материалы конференции «10 лет восстановления геральдической службы России». СПб., 2002, С. 3–9). Анализ обсуждений, названных дискуссией, свидетельствует «об игре в одни ворота», т.е. как бы согласованных решениях руководителя «круглых столов» с иницирующими эти решения не менее энергичными научными сотрудниками, собравшими соответствующие подписи ученых с громкими именами, к геральдике, правда, не имеющими отношения.

Одна из участниц совещания доктор исторических наук зав. Отделом нумизматики Государственного Исторического музея А.С. Мельникова напомнила Р.Г. Пихое, что при Отделении истории АН СССР существует и активно функционирует Геральдическая комиссия и неплохо бы пригласить ее членов на обсуждение проблемы о символах государства. Реакции на слова Мельниковой не последовало, так же, как и на предложения о референдуме, социальном опросе населения.

интеллектуальной ее части, о которой в свое время писал пресс-секретарь Костиков (он делил эту команду на людей без определенной идеологии – Л. Суханов, В. Илюшин, А. Коржаков и людей, с приходом которых «кремлевская организация обрела второе дыхание – посыпались идеи, это были Г. Сатаров, С. Филатов, Л.Г. Пихоя (она – «настоящий крестный отец» обновленной команды президента)» и др.)⁵⁴, также принимали активное участие в выборе рисунка двуглавого орла. Причем, если Р.Г. Пихоя был уверен (с подачи Санкт-Петербургских защитников идеи «русского духа» в подобной интерпретации), что двуглавая птица должна быть золотой и располагаться на красном поле, то, как свидетельствуют журнальные публикации, Г. Бурбулиса больше интересовали клювы орла: он выбирал «добрую» хищную птицу. Не случайно газетные статьи запестрели заголовками – «Может ли быть гербом Российской Федерации двуглавый орел, хотя и «подобнее»?⁵⁵, «И даже добрый орел есть символ царей и империй»⁵⁶. Полные сарказма заметки публиковала очень популярная в те годы «Независимая газета»⁵⁷; некоторые местные газеты. Вместо двуглавого орла в герб предлагались суздальский сокол, «мирная птица» – журавль, отнюдь не мирный – медведь, красные стены или башни Кремля и т.д. Однако «команда» Р.Г. Пихои, отбросив «все ненужное», в течение двух недель в ноябре 1993 г. подготовила на подпись президенту проект герба России, рисунок которого сделал Санкт-Петербургский художник Е.И. Ухналев⁵⁸ (сегодняшний герб), и спорная проблема на время одним росчерком президентского пера была решена.

Как пишет бывший соратник Б.Н. Ельцина М.Н. Полторанин в только что опубликованной книге «... 93-й можно безо всяких натяжек считать временем заката демократии, бешеным годом. Акцентируя внимание на государственной символике, следует отметить, что своеобразное «противостояние» символики, в частности флагов (красного и трехполосного – бело-сине-красного) наблюдается в связи с конфликтными ситуациями, прежде всего 1 мая 1993 г.⁵⁹ и 3–4 октября 1993 г.⁶⁰. Достаточно указать, что в

⁵⁴ Костиков В. Указ. соч. С. 43, 100, 274.

⁵⁵ Родионов Б. // Известия, 25 декабря 1991 г.

⁵⁶ Похлебкин В. // Известия, 28 января 1992 г.

⁵⁷ Независимая газета, 17 января 1992 г.; 12 марта 1992 г. Последняя заметка Павла Фельгенгауэра называлась: «Новый российский герб. Наверное, орел... А может, не орел... А может быть, медведь... Но точно, что двуглавый». Заметку сопровождал рисунок поющего, широко раскрывающего клювы двуглавого орла, играющего на русской гармонике.

⁵⁸ Вилинбахов Г.В. Указ. соч. С. 7.

⁵⁹ Это событие описывается авторами по-разному: Б. Минаев в книге «Ельцин» изображает празднование 1-го мая 1993 г. как шествие боевиков «Трудовой России» и «Союза офицеров» Терехова, сопровождаемое кое-где стариками-пенсионерами с медалями, которые, якобы, хотели прорваться в центр, к Манежной площади. Они били и крушили все вокруг

Институте им. Склифосовского (институт скорой помощи) буквально на соседних койках лежали молодые люди, травмированные из-за того, что один держал в руках красный стяг, а другой – бело-сине-красный.

После октябрьских событий 1993 г. президент Ельцин издал указы о гербе (от 30 ноября 1993 г.), о флаге (от 11 декабря 1993 г.), о гимне – «Патриотическая песнь» Глинки (от 11 декабря 1993 г.). Статья 70-я, часть I-я новой Конституции Российской Федерации гласила: «Государственный флаг, герб и гимн Российской Федерации, их описание и порядок официального использования устанавливаются федеральным законом». Федеральный закон о государственной символике, однако, не был принят законодательным органом – Государственной думой ни первого, ни второго созывов. Особенно поразили либеральное общество (настолько, что один из представителей этого общества публицист Юрий Карякин воскликнул: «Россия, ты одурела?») результаты выборов в первую Госдуму: «Демократические и центристские партии получили лишь около 1/3 голосов избирателей. Коммунисты серьезно поправили свое положение за счет выборов в одномандатных округах, их представительство в новом парламенте тоже

бульжниками и железными арматурами (Минаев Б. Указ. соч. С. 400). Очевидцы событий, а их было много, в основном, в устных рассказах показывают, что демонстрация (без боевиков), состоящая в прекрасный весенний день в основном из родителей с детьми и ветеранов, мирно шествующих по Ленинскому проспекту, была остановлена ОМОНОМ около теперешней площади Гагарина. Они-то, эти простые люди, и подверглись ударам палок, струям пены и открытому насилию омоновцев. Об этом написал участвующий в шествии депутат Верховного Совета РСФСР В. Исаков в книге «Госпереворот. Парламентские дневники. 1992–1993». Екатеринбург, 1997. С. 330–336. Кстати, он же и определил суть события: «кровавый Первомай был генеральной репетицией кровавого октября» (С. 336).

⁶⁰ И эти события освещаются неоднозначно. Но даже бывшие сторонники Ельцина, его биограф оценивают их как величайшую трагедию: Полторанин М.Н. Власть в тротиловом эквиваленте. Наследие царя Бориса. М., 2010 – «узурпаторская акция» (С. 374); Минаев Б. Указ. соч. – «это была страшная, тяжелая победа»; «Ельцин что-то потерял навсегда. Потерял огромное число своих сторонников, которые верили в то, что демократическая революция в России возможна без крови, без вооруженной борьбы за власть»; «общество оказалось расколото и надолго» (С. 438–440).

Очевидцы событий, многие из которых пострадали за дни «сидения» в Белом доме с 21 сентября, со времени ельцинского указа 1400 до 4 октября, опубликовали воспоминания, рисующие вопиющую картину избиения в общем-то невинных людей, которые считали своим долгом защитить закон и мирную, спокойную жизнь детей и российского общества в целом. Причем нельзя с уверенностью говорить, что у них было оружие. Откуда бы оно взялось, к примеру, у моего сокурсника, известного журналиста-международника, который по служебной обязанности находился в это время в Белом доме, а например, не в Кремле, и мог наблюдать «штурм» собственными глазами? В Доме правительства находились депутаты ВС России. Один из них, уже упоминавшийся В. Исаков, издал эти воспоминания (Исаков В. Указ. соч. С. 413–447). См. также: Ковалевский С. Хроника Октябрьского государственного переворота в России. М., 1996; Кротков В.О. Указ. соч. С. 112–131 и т.д.

было внушительным. Словом, новый российский парламент оказался совсем не таким, каким он виделся президентской команде после 3-го октября»⁶¹.

Дума не восприняла указы президента о символике и не проголосовала за них. В определенной степени они оказались неприемлемыми для коммунистов после побоища у Белого дома. Дума соотнесла себя с народом, большинство которого все-таки восприняло государственную символику не как средств самоидентификации, а как попытку идеологического воздействия. Наконец, часть парламентариев, негативно восприняв неконституционный президентский указ «О правовом регулировании в период поэтапной конституционной реформы», согласно которому Ельцин фактически взял на себя полномочия законодателя, все более убеждались в сосредоточении в руках президента неограниченной власти. «Иные органы государственной власти согласно Конституции имели намного меньшие властные полномочия, чем у главы государства. И парламент и правительство России были «завязаны» на президентскую политическую волю»⁶².

Политологи высказывали негативные оценки по этому поводу. Так, политолог Л.Ф. Шевцова писала о новой конституционной системе: «1993 год вернул в российский политический инструментарий насилие и кровь. Одновременно это был год формирования новой конституционной системы, а именно – гиперпрезидентства, которая, кстати, стала основой будущих авторитарных тенденций». Ей вторит историк Б.Ю. Кагарлицкий: «Конституция 1993 г. Закрепляла не только непомерные амбиции Ельцина, который стремился быть самодержцем и «демократическим» президентом в одном лице»⁶³.

Показательно, что сходная оценка действий демократического президента звучала из уст ярых либералов. Известная журналистка Е.М. Альбац, например, заявляла: «Танки, бьющие по зданию парламента, горящий Белый дом стали символом и наглядным – куда уж нагляднее? – доказательством власти ни перед чем не останавливающейся и никем не ограниченной силы. Силы, стоящей над законом, Конституцией, судом и избранными народом его, народа, представителями... Так в России оказалась похоронена сама идея парламентской демократии: разве случайно, что Ельцина именовали «Царь»⁶⁴. «Царь», «директор Всея Руси»⁶⁵ – так все чаще называли гаранта Конституции даже близкие соратники, отмечая его «высокомерие, нетерпимость, нежелание выслушивать неприятные сведения,

⁶¹ Минаев Б. Указ. соч. С. 438–440.

⁶² Кротков В.О. Указ. соч. С. 133.

⁶³ И Шевцова, и Кагарлицкий цит по кн.: Кротков В.О. Указ. Соч. С. 134.

⁶⁴ Цит. по: Кротков В.О. Указ. соч. С. 389.

⁶⁵ Костиков В. Указ. соч. С. 306.

капризность, иногда оскорбительное поведение в отношении людей»⁶⁶. Они же подчеркивали, что «президент образца 1991 года и президент начала 1996 года – два очень разных человека, с разным кругом общения и с разной реакцией»⁶⁷.

«Позднему» Ельцину и его правлению дал оценку политолог В.А. Никонов: «Политический стиль Ельцина был, на мой взгляд, византийским. Огромную роль играли двор, семья, олигархи, приближенные полководцы, как раз то, что характеризует византийский стиль. По многим вопросам такой внеинституциональный центр власти как ближайшее окружение Ельцина, которое принято было называть «семьей», играло куда большую роль, чем все предусмотренные Конституцией институты вместе взятые»⁶⁸.

Данные характеристики существовали и в период президентства Б.Н. Ельцина. Их «отзвук» сказался и на отношении к государственной символике, введенной Ельциным. Опрос, проведенный в конце 1997 г. (участвовал 2401 человек от 16 лет) с вопросом «Что в первую очередь связывается у вас с мыслью о нашей стране, нашем народе?» показал, что на вопрос о флаге, гербе и гимне – государственных символах ответило лишь 55 человек, т.е. 2,29%. Эта низкая степень легитимности государственной символики совпадает и с низкой легитимностью самого государства как средства идентификации граждан – 18,20%⁶⁹.

Политологи отмечают, что в «большинстве «символических» вопросов проявляется «преемничество» В. Путина от Б. Ельцина», приводя примеры преемственности власти, которая, как считает ряд исследователей, держится на символах⁷⁰. В то же время отмечается, что Ельцин и Путин «не сошлись во мнении» по поводу восстановления музыки старого советского гимна в государственной символике в 2000 году. Как известно, президентским указом 1993 г. в качестве гимна РФ была утверждена мелодия Глинки. Слов гимна не было, но огромное количество (несколько тысяч текстов) присылались и в Министерство культуры, и в Государственную думу. Ельцин был против советского гимна, за который ратовали депутаты Думы. Он говорил: «... я категорически против возвращения гимна СССР в качестве государственного ... У меня со старым гимном ассоциация только одна – партийные съезды, партконференции, на которых утверждалась и укреплялась власть партийных чиновников. Что до спортсменов, на которых часто любят ссылаться, то им ведь важно, чтобы гимн не менялся, чтобы у него были слова. А старый

---

⁶⁶ Минаев Б. Указ. соч. С. 486; см. также: Коржаков А.В. Борис Ельцин: от рассвета до заката. М., 1997. С. 53; М.Н. Полторанин. Указ. соч. С. 412, 417.

⁶⁷ Минаев Б. Указ. соч. С. 544.

⁶⁸ Цит. по кн.: Кротков В.О. Указ. соч. С. 169.

⁶⁹ Мисюров Д.А. Политика и символы России. М., 2004. С. 29.

⁷⁰ Там же. С. 81.

советский гимн, уверен, нашим атлетам неинтересен, они люди молодые и смотрят в будущее, а не в прошлое. Чубайс хорошо сказал по этому поводу. Президент страны не должен слепо следовать за настроениями людей, он, напротив, обязан активно влиять на них. Словом, ситуация с гимном сложная»⁷¹. Можно согласиться с комментарием по поводу данного высказывания Ельцина: «В отношении к символике – весь Ельцин с его неприятием коммунистической идеологии, собственным (совпадающим с мнением А. Чубайса) пониманием роли лидера в постсоветской России, собственным видением сознания народа, сведенного к мнению спортсменов» и особой ментальностью, отличающей его от В. Путина⁷².

Перед вторым президентом России В.В. Путиным, согласен он был с первым президентом по поводу государственной символики или нет, стояла действительно серьезная задача – «обозначить» суверенное государство, каким ему досталась Россия, решить массу организационных задач: что изображать на паспортах граждан, особенно отъезжающих за рубеж, что петь и какую музыку исполнять, когда награждают победителей спортивных ли, других ли соревнований, о каких официальных символах державы рассказывать детям в школе? И т.д. Он подошел к вопросу прагматично, хотя произнес исключительно эмоциональную речь 4 декабря 2000 г. перед жителями России в специальном телеобращении, внося перед этим в Государственную Думу не общий пакет о гербе, флаге и гимне, а самостоятельные проекты законов «О Государственном флаге Российской Федерации», «О Государственном гербе Российской Федерации», а также просьбу на имя Председателя Госдумы утвердить в качестве гимна мелодию советского гимна А.В. Александрова.

Принятие законов о Государственной символике казалось особенно важным в преддверии наступающего Нового года, однако обоснование настоятельной необходимости принятия федеральных законов по этому вопросу содержалось в вышеупомянутом выступлении Путина. Главный аргумент – это длящееся почти десять лет отсутствие единства нашего общества. Символы, а особенно выбор музыки гимна, служат катализатором раскола общества, что негативно влияет на жизнь граждан, отвлекает их от созидательных действий. «Давайте мы направим всю нашу кипучую энергию и весь наш талант не на разрушение, а на созидание. И тогда, абсолютно

⁷¹ Цит. по кн: Мисюров Д.А. Указ. соч. С. 544.

⁷² Мисюров Д.А. Указ. соч. С. 82. Действительно, в 1991 г. Б.Н. Ельцин рассказывал, что он «изменил свое мировоззрение: коммунист по исторической советской традиции, по инерции, по воспитанию, но не по убеждению» – Ельцин Б.Н. Записки президента. С. 181. По душе ему пришелся византийский двуглавый орел, как тогда его преподносили «Разработчики» герба свободной России, а вместе с тем (см. выше замечания В. Никонова) и византийские порядки.

уверен, – большинство наших желаний будет исполнено, а подавляющее большинство всех задач, которые мы перед собой ставим, будут выполнены. Уверен, у нас получится»⁷³.

Президент в своем выступлении говорил очень яркие слова о единстве нации, которые не могли не тронуть депутатов различных политических взглядов. Он продемонстрировал также идею единства власти и народа, о чем за десять лет уже как-то подзабылось. В результате 8 декабря 2000 г. Государственная Дума приняла Федеральные конституционные законы: «О Государственном флаге Российской Федерации» («за» – 341, «против» – 20, воздержался – 1), «О Государственном гербе Российской Федерации» («за» – 343, «против» – 19, воздержались – 3), «О Государственном гимне Российской Федерации» («за» – 380, «против» – 51, воздержались – 2). Несколько позднее в марте 2001 г. Госдумой, Советом Федерации и Президентом утверждены слова гимна, написанные (в третий раз) С. Михалковым.

Совет Федерации 20 декабря 2000 г. одобрил решения Госдумы, а 25 декабря 2000 г. их подписал Президент В.В. Путин.

---

⁷³ Выступление В.В. Путина опубликовано на президентском кремлевском сайте (www.president.kremlin.ru/).